

ПО КАПРИЗУ И ПО ВДОХНОВЕНИЮ

Есть фамилии, которые слышали и знают почти все. Например, Третьяков с его художественной галереей, или Морозов с его любовью к знаменитому Художественному театру, или Мамонтов, опекавший художников, скульпторов, музыкантов, или Бахрушин с его страстью к театральным событиям и предметам, благодаря которой появился знаменитый музей.

Но есть ситуации, при которых такое знание настолько неполно и до обидного сужено, что хочется поднять голос в защиту истинного значения того, что же на самом деле значило для страны представители этих известных и сотен других, неизвестных, семей.

Так считает главный хранитель Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей Лев Николаевич Краснопевцев.

Музей этот родился в Замоскворечье на исходе прошлого века, в начале 90-х, на двух основах. Первой стал бывший музей истории района, а второй - огромное желание организаторов сохранить для потомков хоть небольшую правду о том, что значило для процветания России люди, трудами которых создано фактически все то, чем пользовалась страна после революции, стершая их имена из памяти поколений.

Но истинные творения не пропадают. И эту истину лишней раз готов подтвердить главный хранитель, по крупицам собирающий сведения о том, какие семьи купцов и промышленников оставили городу в наследство заводы, дома, больницы. А на стендах музея появляются фотографии - семейные и официальные, чудом сохранившиеся у потомков вещи, выписки из книг и документов столетней давности.

Остановившись у одного из стендов, я попросила у Льва Николаевича большой лист бумаги, чтобы потом предложить читателям проделать такую процедуру. Мысленно разделить этот лист пополам. В первую его половину занести перечисление того, что происходило больше столетия назад. А именно: оказывалась постоянная помощь институту экспериментальной медицины, создано и спонсировалось «Общество содействия научным открытиям и исследованиям», организована аэродинамическая лаборатория Императорского Московского технического училища под руководством академика Н.Е. Жуковского, оказана помощь физиологу И.В. Павлову в создании лаборатории для изучения центральной нервной системы высших животных, профинансированы работы К.Э. Циолковского по дирижаблестроению и работы академика В.И. Вернадского по исследованию радиоактивных пород России, изданы труды Д.И. Менделеева, создана научно-техническая библиотека, ставшая главной технической библиотекой страны, организовано первое в России патентное бюро, проведен первый в России съезд изобретателей, оказана финансовая поддержка по проведению работ и публикации материалов в таких областях, как телевидение, радиоактивность и другие, построе-

ны и финансировались больницы, школы, училища...

А во второй половине листа пусть будет имя: Христофор Семенович Леденцов. Купец первой гильдии из Вологды, торговец, крупный предприниматель, создатель новых направлений благотворительности и меценатства, большой поклонник всего нового, что предлагалось в то время людьми науки и культуры, поддержавший деньгами все те проекты, что перечислены в первой половине листа.

В музее десятки таких имен, незаслуженно забытых. Их носили люди, которых давно нет, но то, что они оставили после себя, все эти века исправно служит потомкам. Институты и университеты продолжают принимать студентов. Больницы, рожденные подвигом благотворительности, третий век подряд исцеляют страждущих. Научные центры продолжают растить нужных всему миру ученых, а прочные здания фабрик и заводов и поныне используются по своему прямому назначению.

Имя Христофора Леденцова принес в музей школьник, начавший изучать историю одного из научных обществ и потрясенный тем, что у истоков отечественной науки во многих всемирно известных областях стоял никому не известный теперь вологодский купец.

Чувства мальчика к Льву Николаевичу Краснопевцеву очень понятны. Он и сам не устает поражаться: как же много сделали для своей страны эти грубые, неказистые в первом поколении трудяги и их наследники в последующих поколениях - собиратели, коллекционеры, благотворители, создатели театров, опер, художественных галерей.

Как же немного времени им отпустила история! Когда читаешь их родословные, меняются в основном лишь места рожде-

ния их предков, а социальное положение у всех звучит одинаково - из крестьян. Из крестьян монастырских, экономических, из дворовых людей и людей посадских. Лишь после знаменитой реформы 1861 года в Москву на фабрики и заводы тронулись толпы бывших крепостных, и столица быстро начала превращаться в промышленный центр.

Конец позапрошлого и начало прошлого века - это время появления и расцвета разных отраслей промышленности - горнозаводской, железодельной, сахарной, текстильной, а в области торговли Москве почти нет равных - здесь сосредоточились главные массы всей внутренней и иностранной торговли России.

Пройдет еще два неполных десятилетия - и революция провозгласит новую эпоху и новых хозяев. У старых же все сложится одинаково - им не будет места в новой России. Но здесь останутся их детища. А еще останется материально подтвержденная память о том, что на свою деятельность русские предприниматели смотрели не столько как на источник наживы, а как на своего рода миссию, возложенную судьбой. Про богатство говорилось, что высший творец дал его в пользование и потребует по нему отчета. Именно это отчасти было причиной, по которой именно в купеческой, торгово-промышленной среде были необычайно развиты и благотворительность, и коллекционерство. На это смотрели как на выполнение свыше назначенного долга.

Так же смотрели и на морально-нравственные поступки людей из этой среды. Все свидетели той эпохи подтверждают в своих воспоминаниях, что ни в купеческих группировках, ни на бирже богатство не играло главной роли. А кроме того, собравшись по цеху всегда интересовались происхождением

богатства. Тех, кто наживал его хитростью, а не трудом, не любили, и никакого веса в общественно-деловой жизни страны иметь они не могли.

Как правило, все созданное известно было в народе по имени жертвователей и вдохновителей. Хлудовы, Солдатенковы, Горбовские, Мазурины, Медведниковы, Прохоровы, Рябушинские, Аршиновы, Красильщики, Малютин, Ушаковы... Каждое имя, каждая фотография - это отдельная жизнь, полная событий и решений. В Музее меценатов, предпринимателей и благотворителей как раз и пытаются восстановить и сохранить историю жизни и разобраться до конца - чем же вызваны были те или иные решения состоятельных людей отдавать свои деньги, время и способности на благо родного города и страны.

Вопрос очень даже не праздный, считает Лев Николаевич. Ведь опыт прошлого часто может быть полезен для объяснения событий и поступков в дни сегодняшние. Почему, например, нынешнее поколение предпринимателей в большинстве своем готово тратить свои деньги на что угодно, но только не на развитие социальной и промышленной базы родного города и страны? А если и жертвуют деньги, то многие ли готовы открыто называть своими именами аудиторы, лаборатории, кабинеты? Чаще всего, как рассказывали мне в одном приюте, жертвователи предпочитают не называться, чтобы лишней раз не привлекать внимания.

Наверное, все, как и положено, взаимосвязано в этой жизни, и как только наладится в стране экономика в рамках закона, предприниматели станут выходить из тени. И наоборот - как только предприниматели осознают свою миссию жизненно важной для страны, так и экономика пойдет в гору. И тогда каждый из них будет оставлять родным городам и поселкам то, что пожелает, как говорили во времена купцов - хоть по капризу, хоть по вдохновению.

Лидия КУДРЯВЦЕВА

30 декабря 2003 года исполнится 92 года В.Н. Кудрявцевой-Лемешевой - певице, актрисе, заслуженному деятелю искусств России, профессору Московской консерватории. Даже в таком преклонном возрасте Вера Николаевна не покидает кафедру: у профессора Кудрявцевой-Лемешевой пять учениц.

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА СЕРГЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА

Она родилась в Старой Руссе тринадцатым ребенком в семье педагога, действительного статского советника Николая Онисимовича Кудрявцева. И первые детские впечатления связаны именно с этим городом.

- Помню себя с трех лет, - рассказывает Вера Николаевна. - В Старой Руссе был большой парк с фонтанами и многим другим, что восхищало мое воображение. Я часто убежала туда одна качаться на качелях. Сестры находили меня там и, ревущую, уводили домой.

С детства была влюблена в лошадей. Во дворе у нас располагалась комиссариатская конюшня, и я каждое утро ездила поить одну рыженькую лошадку. Конюх как-то попросил меня напоить и очень злого коня по прозвищу Махно, посадил меня на этого строптивца, и он помчал меня к реке. Мать, увидев это из окна, едва не упала в обморок. Когда я училась в Ленинградской консерватории, посещала конный кружок в Манеже. Там мы брали препятствия вместе с композитором Георгием Васильевичем Свиридовым. На занятиях по специальности я приходила уставшая, и мой педагог Акимов-Ершова, не выдержав, сказала: «Кем ты собираешься стать: певицей или наездницей?»

- Действительно, Вера Николаевна, кем вы собирались стать?

- Окончив школу в Опочке, я с мамой приехала в Ленинград к отцу, который перебрался туда раньше. Он был против моих занятий вокалом, считая, что пеннием на кусок хлеба не заработаешь. Пришлось поступить в Техмасс (техника в массе), а оттуда - на завод на Охте. Работала в лабора-

тории, и, когда открылась Вечерняя рабочая консерватория, помчалась поступать. Меня приняли, и началась новая жизнь. Вставала в шесть утра, к восьми - на завод, по возвращении домой обед - и в консерваторию. Спать ложилась в 12 ночи, уроки учила в трамвае... и так четыре с половиной года! В 1936 году сдала госэкзамены и в консерваторию была принята сразу на второй курс, в 1940-м окончила ее с отличием. Собиралась в

Малый оперный театр, но дирекция рабочая консерватория, помчалась поступать. Меня приняли, и началась новая жизнь. Вставала в шесть утра, к восьми - на завод, по возвращении домой обед - и в консерваторию. Спать ложилась в 12 ночи, уроки учила в трамвае... и так четыре с половиной года! В 1936 году сдала госэкзамены и в консерваторию была принята сразу на второй курс, в 1940-м окончила ее с отличием. Собиралась в

- Она еще продолжала, когда вы дебютировали в Малом оперном театре (Малеготе) в «Иоланте» Чайковского...

- Меня приняли сразу на ведущие роли лирического сопрано.

Спела Татьяну в «Евгении Онегине», затем Чио-Чио-Сан. В 1946 г. Малегот первым поставил только что написанную Сергеем Прокофьевым оперу «Война и мир», в которой мне была поручена партия Наташи Ростовской. Пела в «Проданной невесте» Б. Сметаны партию Мажени, Мими в «Богеме», Недду в «Паяцах». К 1950-му мой репертуар пополнился ролями в спектаклях «Молодая гвардия» Мейтуса (Клава Ковалева), «Кашей Бессмертной» Римского-Корсакова (Царевна), «Тихий Дон» Дзержинского (Наталья), «Воевода» Чайковского (Марья Власьевна)...

- Первая встреча с вашим суженым, Сергеем Яковлевичем, тоже произошла в Малеготе?

- Впервые я увидела его на сольном концерте в Большом зале Ленинградской филармонии. Мы, тогдашние студентки консерватории, все в него влюбились. А спустя двенадцать лет Сергей Яковлевич должен был в нашем Малом оперном театре петь партию Ленского. Ровно в 11.00 дверь репетиционного зала распахнулась, и на пороге появился он. Точность, как потом я узнала, была одной из составляющих его натуры. Сергей Яковлевич с каждым здоровался за руку. Когда нас представили, он сказал: «Я сразу подумал, что вы - Таня». Наши руки встретились, и я почувствовала: как будто искра проскочила между нами. Нечто подобное испытывал и Сергей Яковлевич, он говорил мне потом об этом.

- Каким было продолжение отношений?

- С первого спектакля Сергей Яковлевич стал слушать сцену

«Письмо Татьяны». Я ничего не знала, пока костюмерша не сообщила мне доверительно: «Я вашему любимому опять стул за сценой ставила. Уж не приворожили вы его?» Потом он стал заглядывать в мою гримуборную, освещаясь, как я себя чувствую. Я желала ему удачи и напоминала, что мы с ним уже в первой картине встретимся. И вот однажды после сцены дуэли Сергей Яковлевич медлил выходить на поклон. Он властно взял мою руку, прижал к себе и взволнованно произнес: «Неужели вы не понимаете, что из-за вас я здесь? Я всегда мечтал о такой женщине, как вы...»

Потом были долгие прогулки по Ленинграду, его музеям и дворцам. Мы говорили и не могли наговориться, все время обнаруживая, как много нас объединяет. Эта общность и позволила нам 27 лет прожить вместе.

- После того памятного «Евгения Онегина» вы продолжили выступать вместе?

- Конечно, например, в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, в труппу которого я была приглашена. Сергей Яковлевич выходил в своей коронной партии Ленского, которую он исполнил в разных театрах ровно 501 раз.

- Каким Сергей Яковлевич был партнером на сцене и каким в жизни?

- Он был очень внимательным партнером, весь отдавался работе, растрчивался, выкладывался, но рядом с ним было очень легко. Эта же легкость присутствовала в нашей совместной жизни. Но он был вспыльчив - лучше было не попадаться под горячую руку. Однако умел быть справедливым, быстро отходить, признавать свою неправоту и снова становиться душевным и теплым.

А еще он был очень привязан к нашему дому. Мы много колесили по стране, выступали с концертами - нужно было выплачивать взносы за кооперативную квартиру на гастролях ни создавали, Сергей Яковлевич очень быстро начинал скучать по дому, рваться в нашу уютную квартиру. Он настолько был домашним, что и я всячески старалась создать ему ту атмосферу уюта, к которой он тянулся, старалась помогать ему во всем...

- А он вам помогал?

- Конечно, он вовсе не был избалованным. Часто предлагал: «Хочешь, хлеба куплю?» и всегда сам покупал закуски - копченую рыбку, селедочку...

- Сергей Яковлевич с авоськой ходил за продуктами?

- И не только за продуктами. Люстры для нашей квартиры выбирал только он - вкус у него был отменный. И гвоздь мог вбить - ящички были полны гвоздей всех размеров; клещи, плоскогубцы всегда под рукой (он был аккуратен и невероятно любил, чтобы все лежало на своем месте). Однажды я собралась отнести башмак в ремонт - не дал, сам починил, ведь все мужчины в его деревне были мастерами сапожного дела.

- А какую еду предпочитал Сергей Яковлевич? Что вы ему готовили, когда хотели побаловать?

- Тушила телячьи ребрышки, курочку жарила. Но перед спектаклем он жареного в рот не брал. Гарнир любил разнообразный. Знаете, у него даже присказка любимая была. В детстве мама давала ему копейку на сладости. А у мороженщицы был маленький ковшик, с одной стороны которого емкость «на одну копейку», с другой - «на три копейки». И когда его спрашивали: «Мальчик, тебе какого мороженого?» - он отвечал: «На копейку всякого». На свой вопрос: «Тебе какого гарнира?» - я то и дело слышала: «На копейку всякого».

- 27 лет вы были рядом с Сергеем Яковлевичем. Иногда на сцене и постоянно - в жизни. Вы не хотели бы рассказать об этих годах?

- После ухода Сергея Яковлевича у меня появилась необходимость общения с ним. И я начала... нет, не писать - мысленно разговаривать с любимым мужем, просить его духовной помощи поддерживать меня в моей растерянности: как начать жизнь без него? И он словно пришел мне на помощь. Стал часто снится, как бы охранять меня. А я нашла цель оставшейся жизни - служение его памяти. Сегодня у меня 52 толстые тетради - из них я черпала впечатления для книги «Рядом с Лемешевой», которая вышла в издательстве «Музыка» к 100-летию со дня рождения Сергея Яковлевича.

Беседа велась
Елена ДМИТРИЕВА